

А. И. ДЕЙЧ и известный революционный немецкий поэт Эрих ВАЙНЕРТ. Москва, май 1931 года.

ТАЛАНТЛИВЫЙ ученый-литературовед и театровед, критик и исследователь, историк и публицист, драматург и переводчик, поэт и журналист, профессор, доктор филологических наук.

Да, именно таким остался в истории советской культуры Александр Иосифович Дейч, деятель многогранного дарования, неуемной энергии и немислимо-го трудолюбия.

Он феноменально много знал и помнил, его эрудиции можно было предела его ненасытности в овладении новыми знаниями в области культуры, отечественной и мировой. При этом настойчивость и неутомимость исследователя счастливо сочетались в нем с редким умением рассказывать о своих наблюдениях и находках живым, образным, доходчивым языком.

Просто диву даешься, перелистывая список опубликованных работ, насчитывающий более тысячи названий книг, статей, очерков, литературных портре-

тов, научных исследований, переводов, пьес, рецензий, корреспонденций, стихов, полемических заметок и других материалов, вышедших из-под его пера. А сколько им собрано, отредактировано, прокомментировано, подготовлено к печати классических произведений немецких, французских, английских, украинских (кстати сказать, этими языками Дейч владел совершенно свободно), узбекских, азербайджанских, польских, шведских и многих других авторов! Поистине поражают масштабность, насыщенность, проникновенность творческой самоотдачи этого удивительно-го труженика.

Очень точно охарактеризовал эту «одержимость» Дейча его близкий друг, выдающийся украинский поэт Максим Рыльский:

«Круг интересов Александра Иосифовича поистине огромен. Вы заговорили с ним о любимой его Гейне, о гётевском «Фаусте», о Мопассане или Уайльде, о Пушкине или Тютчеве, об Анатоле Франсе или Свинфте, о Сервантесе или Томасе Море, о Шевченко или Лесе Украинне,

Борис ЕФИМОВ,

действительный член
Академии художеств СССР

Многогранное дарование

о Бернарде Шоу или Иоганнесе Бехере — и он как бы вспыхивает внутренним огнем, о каждом литературном явлении, о каждом писательском имени у него свое меткое, подчас неожиданным суждение, свое вдумчивое слово».

К этой характеристике трудно, пожалуй, что-нибудь прибавить, если только не дополнить плеяду великих писателей, названных М. Рыльским, не менее значительными и достойными именами, о которых Дейч мог бы говорить столь же увлеченно, пламенно и столь же компетентно.

Познакомился я с Александром Иосифовичем в далеком и бурном восемнадцатом году в Киеве, городе родном и для него, и для меня. То было грозное время. Казалось бы, в той тревожной, вздыбленной жизни, когда уличные бои в городе стали привычным явлением и ненадолго затихал гром орудий, музы искусства должны были помалкивать. Однако этого не произошло. Неистребимая тяга людей к прекрасному, к миру художественного творчества, к

театру, литературе, эстетике дала себя знать и в те дни небывалой ломки старого мира и рождения нового.

И «музы» довольно решительно подают свои голоса. В Киеве восемнадцатого года переполнены театры, организуются всевозможные литературно-художественные студии и клубы. Возникают также недолговечные газетки и журнальчики, выходят литературные альманахи и сборники. Среди этой, в общем, довольно бульварной печатной продукции выделяется высоким культурным уровнем содержания, изящно, со вкусом оформленный литературно-художественный журнал. Его редактор — Александр Дейч, собравший вокруг себя кучку таких же, как он, энтузиастов, «поклонников изящного», любителей литературы и искусства.

Могучие крылья поэзии легко преодолевают препятствия пограничной «демаркационной линии», и вот уже в Киеве переливаются и ходят по рукам две, почти одновременно пришедшие с севера гениальные поэмы. Название одной из них — «Облако в штанах», другой — «Двенадцать». Мне помнится, как именно в редакции журнала я впервые услышал вдохновенные блоковские стихи, которые с воодушевлением читал вслух Александр Иосифович. Вначале мы были ошеломлены и озадачены: да Блок ли это, уточненный и задумчивый поэт изысканных лирических образов? Но новая поэма быстро победила и убедилась своей могучей силой. Сквозь нарочито разухабистый язык улицы, через озорной частушечный лад властно звучала революционная патетика нового Блока. И тут же у Дейча возник

сюжет для дружеского шаржа на «Блока-красногвардейца». Разумеется, ни у кого и в мыслях не было позволить себе неуважительную насмешку по адресу замечательного поэта. Я только попытался в своем рисунке «обиграть» юмористический контраст между изящной поэтической лирой и тяжелыми солдатскими сапогами, винтовкой «на черном ремне». Шарж понравился Дейчу и был напечатан в журнале.

Вспоминая Дейча, я прежде всего вспоминаю никогда не покидавшее его чувство юмора, которым было неизменно окрашено его общение с людьми, и столь же присущие ему уравновешенность и олимпийское спокойствие — качества, которые так помогли ему в трудные периоды жизни.

Именно так, спокойно и мужественно, встретил он постигшую его в расцвете лет беду — полную потерю зрения. Опираясь на неоценимую помощь Евгении Кузьминичны, его верной подруги и жены, Александр Иосифович продолжал увлеченно, вдохновенно и плодотворно работать до самых своих последних дней.

Известно, что первой книгой основанной А. М. Горьким и осуществленной М. Е. Кольцовым широко популярной серии «Жизнь замечательных людей» была биография Генриха Гейне, написанная А. И. Дейчем.

Не символично ли, что повествование о замечательных людях всех времен и народов начал своим произведением писатель, ученый, историк, которого самого нельзя не причислить к людям замечательным?!